

УДК 327.51

DOI: 10.31857/S032120680004355-4

США – Европа: китайский фактор и пределы трансатлантической солидарности

О.В. Приходько

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9164-4096> e-mail: olegvladim@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 24.01.2019.

Резюме: Американо-китайские отношения привлекают к себе повышенное внимание в силу огромного влияния, которое они оказывают на международную политику и экономику. Этой теме посвящена обширная научная литература. Однако анализ китайского фактора в трансатлантических отношениях, особенно в контексте НАТО, оказался на периферии научных исследований. В политике администрации Д. Трампа на китайском направлении в последнее время появились новые элементы и нюансы, общий вектор которых указывает на дальнейшее обострение противостояния США и КНР. Хотя ключевые приоритеты безопасности в трансатлантических отношениях охватывают Европу, растущая глобальная и региональная роль КНР неизбежно будет всё больше вторгаться в повестку дня переговоров США и европейских союзников. В силу возрастающего влияния Китая в сфере международной безопасности атлантический альянс не может обходиться своим вниманием оборонную политику этой страны, закрывать глаза на растущее военное сотрудничество России и КНР. Согласование стратегии США и Европы в отношении Китая, по мнению зарубежных аналитиков, является важным ресурсом влияния Запада на трансформацию миропорядка. Однако предпосылки для подобной координации явно уменьшились в связи с изменением американской политики в президентство Д. Трампа, которое привело к серьёзным разногласиям между США и союзниками.

Ключевые слова: США, администрация Д. Трампа, Китай, НАТО, ЕС, европейские союзники, трансатлантические отношения, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Приходько О.В. США – Европа: китайский фактор и пределы трансатлантической солидарности. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2019;49(4):5–30. DOI: 10.31857/S032120680004355-4

The United States – Europe: The Chinese Variable and Limits of Transatlantic Solidarity

Oleg V. Prikhodko

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9164-4096> e-mail: olegvladim@yandex.ru

Received 24.01.2019.

Abstract: Strained relationship between the United States and China attracts close attention due to enormous impact it has on security, political and economic affairs worldwide. Numerous volumes of academic literature consider the issue from various angles. However, analysis of the Chinese variable in the framework of transatlantic relationship, especially within NATO, has turned out on the sidelines of research work. The Trump Administration policy towards China has lately revealed a number of new elements and nuances, which testified an intensifying competition between the U.S. and China. Although key security priorities of the transatlantic alliance embrace Europe, increasing China's role in regional and global issues will inevitably invade the agenda of the relationship between the U.S. and European allies, shaping their deliberations. Given Beijing's unfolding activities in international security domain, NATO is likely to pay more attention to China's military policy, closely monitoring Sino-Russian strengthening defense cooperation. As some prominent foreign analysts believe, coordination of the U.S. and European strategies towards China is a potent tool that the West could use to steer the world order transformation in a desirable way. However, prerequisites for such coordination decreased because of a grave discord between Washington and European partners provoked by the shifts in the U.S. policies that President Donald Trump has brought about.

Keywords: the United States, the Trump Administration, China, NATO, the EU, the Asia-Pacific region, European allies, transatlantic relationship

For citation: Prikhodko O.V. The United States – Europe: The Chinese Variable and Limits of Transatlantic Solidarity. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2019; 49(4):5-30. DOI: 10.31857/S032120680004355-4

КИТАЙСКАЯ ТЕМА В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ: МЕНЯЮЩИЕСЯ АКЦЕНТЫ И ПРИОРИТЕТЫ

В силу особенностей внутривластной борьбы последних двух лет в США – после победы Д. Трампа на президентских выборах 2016 г. – китайская тема долгое время оставалась в тени жаркой дискуссии о предполагаемом «российском вмешательстве» в американский избирательный процесс, которое было инспирировано противниками нового главы Белого дома. Хотя в доктринальных документах нынешней администрации Китай отнесён к той же категории угроз, что и Россия, и обозначен там как стратегический конкурент, соперник и «ревизионистская держава», стремящаяся к перекройке существующего мирового порядка, обсуждение политики в отношении этой страны всё же не вызывало столь острого столкновения мнений американских политиков и экспертов, как их споры о «российском влиянии» в неожиданном исходе выборов 2016 года.

С приближением промежуточных выборов в Конгресс 2018 г. становилось заметно, что шлейф событий двухлетней давности всё больше тяготит Белый дом. Администрация попыталась переломить ситуацию, акцентировав внимание в американском политическом дискурсе на тех проблемах и вызовах, которые КНР создаёт для США. Для Д. Трампа подобная тактика была логичным следствием его собственных убеждений. Уже с первых дней своего президент-

ства он предъявил серьёзные претензии Китаю, обвинив его в нечестной конкуренции, которая привела к огромному дефициту США в двусторонней торговле. Однако американские требования далеко не исчерпываются сферой торговли. Администрация Д. Трампа не намерена ограничиваться стремлением получить кратковременный тактический выигрыш, заставив КНР больше покупать американских товаров. Она принимает различные меры, чтобы *стратегически* ослабить экономические и геополитические позиции этой страны.

В преддверии промежуточных выборов в Конгресс осенью 2018 г. Д. Трамп говорил о возможности заключения торгового соглашения с Китаем, пытаясь завоевать для республиканцев голоса тех избирателей, которые могут пострадать от антикитайской санкционной политики администрации. О том, что «тарифная война» между двумя странами, инициированная Белым домом, бьёт по интересам различных сегментов американского бизнеса, свидетельствовали социологические опросы среди руководителей компаний. Усиливающийся антикитайский крен в политике Белого дома вызывает серьёзные вопросы в деловых кругах, ведь многие ведущие компании США тесно связаны с китайскими партнёрами кооперационными, технологическими и логистическими цепочками. Подписание двустороннего торгового договора, содержащего уступки с китайской стороны, могло бы отвести угрозу нового раунда «тарифной войны» между США и Китаем, но это едва ли остановило бы американские усилия, направленные на сдерживание технологического развития КНР.

Д. Трамп заинтересован в торговом соглашении с Китаем, но на своих условиях. В 2019 г. может наступить замедление темпов роста американской экономики, и тогда торговый конфликт с КНР может стать более чувствительным для США. Однако «ястребиное» крыло администрации, в которое входят главный представитель США по торговым вопросам Р. Лайтхайзер и помощник президента П. Наварро, требует от Китая не просто снижения торгового профицита, а более существенных уступок: отказа от госсубсидий при реализации плана создания новых производств высокотехнологичной продукции «сделано в Китае – 2025», выявления и судебного преследования тех, кто осуществляет хищение американской интеллектуальной собственности, а также упразднения барьеров для доступа американских компаний на китайский рынок. К лагерю «умеренных» можно отнести министра финансов С. Мнучина и главного экономического советника Белого дома Л. Кадлоу. Они пытаются предложить компромиссные варианты торгового соглашения с Китаем, которые позволили бы избежать ещё более жёсткого конфликта между двумя странами. Баланс влияния этих сил на президента Д. Трампа достаточно подвижен, но в последнее время чаша весов склонялась больше в пользу сторонников жёсткой линии, чему способствуют схожие настроения и в других коридорах американской власти.

Приверженцами тактики давления на Китай являются не только президент Д. Трамп и вице-президент М. Пенс, руководитель китайского направления в Совете национальной безопасности М. Поттингер и ряд руководящих фигур в

экономическом блоке администрации, но также многие законодатели на Капитолийском холме. Можно сказать, что *жёсткая политика в отношении Китая опирается на двухпартийный консенсус*. Даже яростные противники Д. Трампа из лагеря демократов соглашались с ним в необходимости активного противодействия амбициям Китая. Лидер демократов в Сенате Ч. Шумер поддерживает жёсткий подход президента в отношении КНР, хотя по большинству других проблем находится в оппозиции к главе Белого дома. По его словам, действия Д. Трампа на китайском направлении в большей мере отвечают его взглядам, чем курс, который проводил Б. Обама [1].

Китай не может реагировать на американскую торговую агрессию аналогичным повышением пошлин ввиду большого положительного сальдо в свою пользу в двусторонней торговле. Асимметричный характер экономической взаимозависимости двух стран не позволяет ему отвечать зеркально на американские меры. В то же время Пекин видит, что новые повороты в расследовании спецпрокурора Р. Мюллера, включая признания М. Козна, который долгое время был личным адвокатом президента, ведут к ослаблению позиций Д. Трампа. Это заставляет китайские власти задуматься, следует ли идти на существенные уступки в торгово-экономической политике или лучше переждать, так как Д. Трамп в результате меняющейся внутривластной ситуации в США может в итоге оказаться неспособным исполнить свои обещания по двустороннему торговому соглашению, не в последнюю очередь из-за противодействия Конгресса.

Торгово-экономический конфликт является лишь одним из проявлений общего стратегического соперничества двух государств. Администрация Д. Трампа последовательно придерживается тактики давления на КНР по всем азимутам – вводит пошлины на китайский экспорт, накладывает санкции на китайские компании и банки, активизирует разноплановые связи с Тайванем, укрепляет военное сотрудничество с государствами, оспаривающими с Китаем принадлежность некоторых островов в прибрежных морях, но одновременно сохраняет открытой дверь для переговоров.

Со второй половины 2018 г. акценты в тактике администрации стали меняться. Торгово-экономические противоречия между двумя странами Вашингтон стал использовать как предлог для введения ограничений на контакты с КНР в сфере высоких технологий. Администрация Д. Трампа начала активно раскручивать тему китайского посягательства на интересы национальной безопасности, обвинив КНР в кибершпионаже, хищении критически важных технологий, ноу-хау, интеллектуальной собственности и секретной коммерческой информации американских компаний. Под удар попали флагманы китайской IT-индустрии – крупнейшие корпорации «Зи-Ти-И» (ZTE) и «Хуавей» (Huawei). Власти США выдвинули обвинения против нескольких других китайских компаний в краже американских торговых и производственных секретов в области аэрокосмической и полупроводниковой техники. Всплеск подобных

претензий наблюдался и в президентство Б. Обамы, но он был непродолжительным, и после серии двусторонних переговоров Вашингтон и Пекин сняли остроту проблемы.

Администрация Д. Трампа взяла курс на уменьшение экономической зависимости от Китая в ряде отраслей экономики США, используя в этих целях различные инструменты – от ужесточения экспортного контроля до инициирования законодательных мер, направленных на ограничение двусторонних связей, прежде всего в сфере высоких технологий (в том числе на уровне компаний и университетов), и возбуждения судебных претензий к корпорациям из КНР. Вашингтон стремится противодействовать китайскому технологическому развитию, прибегая к различным мерам. Он подталкивает американские компании, работающие в сфере чувствительных технологий, к ограничению сотрудничества с китайскими партнёрами. Вашингтон, судя по одобренной в 2018 г. новой киберстратегии США, оставляет за собой право предпринять более агрессивные действия в киберпространстве против «подозрительной» активности китайских компаний, включая нарушение работы их «враждебных сетей». Соединённые Штаты расширяют сотрудничество с союзниками в контрразведывательной деятельности против Китая с целью противодействовать его активности в сфере промышленного шпионажа, хищению закрытой информации, вмешательству в американский электоральный процесс и во внутренние дела других государств (события вокруг смены премьер-министра в Шри-Ланке осенью 2018 г. Вашингтон приписывал китайскому влиянию).

Давление США на Китай в вопросах конкуренции за мировое технологическое лидерство будет только нарастать. Пекин понимает, что увеличение импорта из США не снимет противоречий между двумя странами, так как *разногласия имеют более глубокие причины, чем просто торговые споры, и касаются стратегического соперничества двух держав и их места в глобальном балансе сил*. Он проявляет сдержанность и осторожность в своих ответных шагах, избегая мер, которые могли бы привести к эскалации напряжённости и отпугнуть компании США от инвестиций в сектора китайской экономики, где американские технологии и ноу-хау представляют для Китая наибольшую ценность.

Ужесточение политики США на китайском направлении затронуло не только сферу торгово-экономических отношений. Новые элементы и нюансы появились в подходе США к соперничеству с КНР в вопросах безопасности. Вашингтон постепенно расширяет санкционный фронт против Китая по *внеэкономическим* основаниям. В сентябре 2018 г. он ввёл санкции против КНР в качестве ответного шага на закупки российской зенитно-ракетной системы большой дальности «С-400». Подобные меры стали первыми в истории американской санкционной политики, и можно ожидать расширения подобной практики в будущем.

Нарастает американо-китайское соперничество в военно-политической сфере, где главным плацдармом противоборства двух стран выступает Азиатско-Тихоокеанский регион. США усиливают своё присутствие в АТР. Со своей сто-

роны, Китай демонстрирует готовность активно защищать собственные интересы, бросая вызов американскому доминированию в регионе. Он постепенно продвигается к рубежу, когда сможет на равных противостоять американской военной силе в Восточной Азии. КНР планирует наращивать свои военно-силовые возможности также и на большей части акватории Индийского океана, стремясь к более тесному сотрудничеству с рядом прибрежных государств (в частности, Шри-Ланкой и Мальдивскими островами). Пекин использует дипломатические и финансово-экономические рычаги влияния, чтобы обеспечить там свои интересы, включая получение доступа к их морским портам для захода кораблей китайских ВМС.

Не спадает напряжённость в противостоянии США и Китая по ситуации вокруг спорных островов в Южно-Китайском море. Ужесточение позиции Вашингтона выражается не только в политической риторике, но и в практических мерах по усилению присутствия американских ВМС в регионе. Администрация Д. Трампа проводит активную политику по вовлечению прибрежных государств Юго-Восточной Азии в сферу американского влияния. В 2018 г. Вашингтон направил больше ресурсов на финансирование программ партнёрства со странами региона в сфере обороны и безопасности, чем за три предыдущих года вместе взятых. В подтверждение свободы мореплавания и непризнания особых прав КНР в прибрежных морях американские ВМС стали осуществлять более интенсивный режим морского патрулирования вблизи спорных островов в Южно-Китайском море и в Тайваньском проливе. США проводят совместные учения с союзниками и партнёрами в регионе.

В своей политике на китайском направлении администрация Д. Трампа пытается разыгрывать «тайваньскую карту». Она активизировала связи с Тайбэем, выступив с рядом соответствующих законодательных инициатив, повысила уровень двусторонних контактов и военного сотрудничества со своим союзником. Вопреки категорическим возражениям китайских властей США обсуждают с тайваньскими властями возможность использования острова Тайпин, самого крупного в архипелаге Спратли и в Южно-Китайском море, в качестве пункта базирования кораблей американского ВМФ. Подобный шаг явился бы нарушением красной линии, которую ранее обозначил Пекин. Упомянутый остров имеет стратегическое значение для контроля морских коммуникаций и проецирования силы в этом районе. Корабли американских ВМС периодически совершают проходы через Тайваньский пролив в знак поддержки своего союзника, а также для демонстрации силы и подтверждения принципа свободы мореплавания. Правда, США пока воздерживаются направлять в этот район авианосную группировку для выполнения этой миссии или каких-либо других задач. По мнению китайского политолога Я. Дзуо (Шанхайский университет), «Тайвань сохраняет важное значение для американских национальных интересов, но он будет представлять собой лишь один небольшой фрагмент общей мозаики. Со-

единённым Штатам приходится учитывать гораздо больше факторов, разрабатывая свою стратегию и способы взаимоотношений с Китаем» [Zuo Y., 2018: 170].

Важным мотивом в решении США о выходе из российско-американского Договора по ракетам средней и меньшей дальности является отсутствие ограничений для Китая на создание ракетных вооружений соответствующих типов. Вашингтон указывал в этой связи, что попытки привлечь Пекин к участию в соглашении провалились, в результате чего КНР, по словам госсекретаря США М. Помпео, «имеет свободу рук, чтобы создавать столько ракет средней дальности, сколько захочет». Объясняя министрам иностранных дел стран НАТО планы США в отношении ДРСМД, он подчеркнул, что «у Соединённых Штатов нет никаких причин уступать это важное военное преимущество ревизионистским державам вроде Китая» [2].

На слушаниях в сенатском Комитете по делам вооружённых сил в марте 2018 г. тогда ещё командующий американскими войсками на Тихом океане, (а ныне посол США в Южной Корее) адмирал Г. Харрис заявил, что КНР получает преимущества, пользуясь тем, что США связаны обязательствами по американско-российскому Договору о РСМД. Из его слов следует, что Соединённые Штаты оказываются в невыгодном положении, так как «Китай добился наибольшего прогресса именно в разработке ракет средней дальности (РСД), которые сейчас составляют примерно 95% ракетного арсенала НОАК. <...> Китайские РСМД, по всей вероятности, нацелены на Тайвань и американские авианосные группировки в открытом море, а ракеты меньшей дальности – на американские базы в Японии и на острове Гуам» [3].

Однако далеко не все американские политики и военные эксперты поддерживают решение администрации о выходе США из ДРСМД. А. Смит, влиятельная фигура в Комитете по делам вооружённых сил Палаты представителей, в специальном заявлении отметил, что односторонние шаги администрации Д. Трампа в отношении Договора о РСМД предпринимаются без серьёзных консультаций и без координации с союзниками по НАТО. Он особо подчеркнул, что «некоторые советники президента Д. Трампа сосредоточены больше на продвижении США к отказу от международных обязательств, чем на обеспечении приоритетности коллективной безопасности Америки, её партнёров и союзников» [4].

США усматривают в действиях КНР стремление к преобладанию в Восточной Азии и намерение ослабить американские позиции в регионе. По мнению западных экспертов, Пекин выстраивает там региональную подсистему со своим механизмом экономических связей, инфраструктурой, согласованными нормами и правилами, институтами многосторонних консультаций и координации политики; он стремится сделать её по возможности максимально независимой от глобальной системы американского доминирования, претендуя на роль её центра и пытаясь оттеснить США на периферию. На достижение этой цели, как полагает японский политолог Такаши Терада, направлена китайская инициати-

ва о «Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве» [Terada T., 2018: 20].

Данный проект, определяющий не столь жёсткие стандарты региональной интеграции для Восточной Азии, Китай выдвинул как альтернативу тому, что предыдущая американская администрация предложила региону в виде Соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП), которое больше ориентировано на интересы развитых стран, предусматривая более высокий уровень либерализации торгового режима. По мнению Т. Терады, «Китай использует своё умение распоряжаться экономическими рычагами влияния и свою внешнеэкономическую политику для перекройки экономического порядка в регионе в соответствии со своими политическими и стратегическими интересами» [Terada T., 2018: 23]. Многие в американской правящей элите, включая законодателей в Конгрессе, находят ошибочным решение Д. Трампа отказаться от Соглашения о ТТП, которое готовилось предыдущей администрацией как противовес геоэкономической экспансии Китая в АТР и которое в обновлённом виде было подписано в 2018 г. остальными участниками переговоров.

Стремление администрации Д. Трампа включить Индию в региональный баланс сил против Китая нашло отражение в концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), которая предполагает объединение Австралии, Японии и Индии вокруг США для поддержания регионального статус-кво в ответ на быстрый подъём китайской державы. Пекин официально никак не прореагировал на выдвигание американской концепции ИТР, а оценки китайских политологов на этот счёт разнятся весьма заметно. Одни считают, что эта геополитическая конструкция имеет слишком размытые очертания, чтобы можно было о ней предметно судить. Другие видят в ней географическое продолжение политики «перевесбалансировки в АТР», которую провозгласил предыдущий президент Б. Обама. Некоторые политологи рассматривают эту концепцию как региональное ответвление всеобъемлющей глобальной стратегии сдерживания Китая, которую проводят США.

То значение, которое придаётся инфраструктурной политике в американской концепции ИТР, наводит на мысль, что одна из её целей – создание геоэкономической альтернативы китайской программе «Один пояс, один путь» в этом регионе. На саммите АТЭС в ноябре 2018 г. вице-президент США М. Пенс сообщил, что в прошедшие два года американские компании запустили более 1,5 тыс. новых проектов и вложили более 61 млрд долл. инвестиций в страны Индо-Тихоокеанского бассейна. В результате совокупные инвестиции США здесь составили свыше 1,4 трлн долл., что превышает показатели Китая, Японии и Южной Кореи, вместе взятых [5].

МЕСТО КИТАЯ В ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ

США в своей политике по отношению к Китаю исторически привыкли полагаться на региональных союзников – Японию, Южную Корею, Австралию. Однако беспрецедентное укрепление китайской державы опрокидывает традиционные американские представления и геополитические конструкции. Все больше американских политиков и экспертов склоняются к мысли, что *восхождение Китая возможно является самым серьёзным вызовом для США за всю историю существования американского государства и масштабы этого вызова таковы, что они требуют всеобъемлющего ответа не одних лишь Соединённых Штатов, а всего Запада, включая Европу.*

Быстрый подъём КНР заставляет американское политическое и экспертное сообщество по-новому оценивать надвигающиеся перемены. Как заявила на слушаниях в Конгрессе ведущий эксперт Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон) С. Сигал, если в 1980 г. китайская экономика по своим абсолютным размерам была почти в 10 раз меньше американской, то к началу XXI века она уступала ей только в 3 раза, а в 2017 г. – уже чуть более чем в 1,5 раза. Тенденция изменения соотношения сил очевидна. С. Сигал полагает, что Китай будет продолжать развиваться более высокими темпами, чем США. Ожидается, что в течение поколения он опередит их по абсолютному размеру ВВП. По мнению С. Сигал, США должны обращать пристальное внимание на *растущие масштабы китайской экономики, которые позволяют правительству КНР аккумулировать большие ресурсы для достижения стратегических целей* [6]. Необходимость консолидации Запада в противовес росту китайского потенциала американские политологи объясняют также тем, что Китай бросает глобальный вызов, отрицая либеральный миропорядок, который поддерживает западное доминирование в системе международных отношений.

Несмотря на значительно возросшую роль Китая в международных делах, тема взаимоотношений с этой державой, как и вопросы безопасности в АТР, которые невозможно рассматривать в отрыве от неё, занимают неожиданно скромное место в трансатлантической повестке дня. Через Южно-Китайское море, где постепенно нарастает геополитическая напряжённость, проходит, по разным подсчётам, 40–50% торговых грузоперевозок в мире. В случае перерастания американо-китайских противоречий в военный конфликт возникнет реальная угроза для международных рынков и путей снабжения, которые пролегают через этот регион. Если на рабочем уровне между США и Европой (ЕС) время от времени ведётся диалог по ситуации в АТР, включая её китайский аспект, то совместное планирование, как и двусторонняя координация на уровне практической политики, по существу отсутствует. Вашингтон, пользуясь своим влиянием на европейских союзников, неоднократно предостерегал ЕС против снятия эмбарго на продажу оружия Китаю. Он выражал недовольство неэффективно-

стью европейской системы экспортного контроля в сфере поставок европейских технологий двойного назначения в КНР.

Обсуждение темы региональной безопасности в Азии на встречах лидеров США и ЕС носит эпизодический характер и происходит, как правило, когда возникает кризисная ситуация в регионе. В прошедший двухлетний период президентства Д. Трампа она вообще не затрагивалась в диалоге на высшем уровне между США и Евросоюзом. Вашингтон и раньше сомневался в возможности эффективного сотрудничества с Европой в делах АТР. С приходом Д. Трампа в Белый дом предпосылки к налаживанию такого взаимодействия ещё больше сократились. Ставка нынешней администрации на агрессивное продвижение американских интересов, выраженная в лозунге «Америка прежде всего», едва ли располагает к трансатлантическим договорённостям по сложным вопросам мировой политики.

Европейские страны декларируют заинтересованность в развитии торгово-экономических отношений с Китаем. В «Глобальной стратегии», одобренной Евросоюзом в 2016 г., признаётся «прямая связь между процветанием Европы и безопасностью в Азии» [7]. В этом документе чётко обозначено намерение ЕС играть более активную роль в вопросах азиатской безопасности. Однако в регулярных отчётах главы европейской дипломатии Ф. Могерини Европейскому совету и Европарламенту практически ничего конкретного не говорится ни о ключевых проблемах безопасности в АТР, ни о практических шагах, которые Евросоюз был бы готов предпринять для их решения. Руководство ЕС предпочитает избегать трений с Вашингтоном там, где это возможно, в том числе в АТР, и особенно на китайском направлении. Среди европейских государств нет единого мнения, как реагировать на ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе, когда речь идёт о Китае. В то же время они признают, что в некоторых вопросах глобального развития, таких как защита либеральных принципов международной торговли и борьба с потеплением климата, позиция КНР созвучна их взглядам.

Вашингтон призывает Европу занять вместе с ним консолидированную позицию с осуждением «территориальной экспансии» Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, где Пекин создаёт искусственные острова на рифах, принадлежность которых он оспаривает с некоторыми соседними странами. Администрации Д. Трампа не удалось добиться этой цели в НАТО или в двустороннем формате США – ЕС. Однако в рамках «семёрки», судя по саммиту G-7, который проходил в Таормине (Италия) в 2017 г., она смогла заручиться дипломатической поддержкой ведущих европейских держав по упомянутому вопросу. Этот форум принимает политические декларации, не влекущие практических обязательств. На упомянутом саммите было одобрено итоговое коммюнике, содержащее критику политики КНР, что вызвало резкую реакцию китайского МИД.

В течение многих лет двусторонние отношения между НАТО и Китаем оставались практически на нулевой отметке. Пекин рассматривает Североатлантический альянс как пережиток холодной войны. С мертвой точки двусторонние отношения сдвинулись в 2009 г., когда по инициативе Брюсселя начали устанавливаться прямые контакты между военным руководством Китая и НАТО. С 2010 г. стали происходить ежегодные обмены визитами военных делегаций на рабочем уровне: китайские военные и дипломаты посещали краткие курсы в учебных заведениях НАТО, а делегации альянса побывали в КНР. Стороны сотрудничали в борьбе с морским пиратством в Аденском проливе и у побережья Сомали. В ноябре 2015 г. в этом районе прошли совместные военные учения с участием 21-й корабельной тактической группы китайских ВМС и 508-й объединённой тактической группировки НАТО, в ходе которых отрабатывались совместные действия по высадке на суда с целью проведения их досмотра, дозаправке на море и посадке вертолетов на корабли друг друга.

В апреле 2011 г. НАТО приняла документ «Активное взаимодействие по безопасности на основе сотрудничества: более эффективная и гибкая политика партнёрства», в котором провозгласила открытость к совместным действиям с ключевыми державами за пределами Евро-Атлантического региона, в том числе с КНР. Однако решение о таком взаимодействии в каждом конкретном случае должно быть одобрено в альянсе на высшем политическом уровне. У Китая нет институциональных связей с НАТО и ЕС в отличие от ведущих государств АТР – Австралии, Южной Кореи, Японии, которые заключили соглашения с альянсом (а также с Евросоюзом) о партнёрстве по военно-политическим проблемам, включая взаимодействие в урегулировании кризисов. НАТО и ЕС играют мало заметную роль в вопросах региональной безопасности Восточной Азии, «отдавая предпочтение укреплению стратегических связей с региональными союзниками США в ущерб интересам Китая» [Simón L., 2015: 987]. Вместе с тем, наведение Брюсселем мостов с Токио и Сеулом не может оставлять равнодушным китайское руководство.

Пекин рассматривает НАТО как военно-политический блок, возглавляемый главным его соперником – США, и как один из столпов миропорядка, основанного на американском доминировании. *Политика Североатлантического альянса противоречит широкому спектру китайских геополитических интересов.* Это касается, в частности, натовского военного присутствия в странах Ближнего Востока, откуда КНР импортирует нефть, и конкуренции на международном рынке военной техники, когда на потенциальных покупателей китайской оборонной продукции оказывается давление, как это было в случае с Турцией, которой НАТО запретила покупать у Китая вооружения и военные технологии. КНР выступает против расширения НАТО, так как приближение альянса к России означает продвижение натовской военной инфраструктуры и к китайской границе. Пекин не может не задаться вопросом, зачем НАТО включила Монголию в

категорию партнёров альянса, понимая, что этот шаг создаёт возможность для проведения военных учений западных держав вблизи китайских границ.

Для КНР не может быть безразлична деятельность НАТО в регионах, которые важны для реализации её геостратегических замыслов. Китайским интересам противоречит продолжающееся военное присутствие НАТО, преимущественно американское, в Афганистане, которое с 2014 г. официально называется миссией «Решительная поддержка» (*Resolute Support*). Эта страна рассматривается Пекином как одно из важных звеньев его трансрегионального мегапроекта «Один пояс, один путь», и он пытается дипломатически содействовать общенациональному урегулированию в Афганистане, нахождению компромисса между властями и талибами, поддерживая посреднические усилия Пакистана в переговорном процессе. Китайские военно-политические и экономические интересы присутствуют и в тех странах, где наблюдается активность натовских союзников, пусть и без формального участия непосредственно самого альянса, в том числе в Сирии и ряде других районов Ближнего Востока.

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ АТР В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ США И ЕВРОПЕЙСКИМИ СОЮЗНИКАМИ

Укрепление Китая не похоже ни на один из тех вызовов, с которыми когда-либо сталкивался Североатлантический альянс. Между странами НАТО наблюдается большой разброс мнений в оценках этого процесса. Быстрый подъём КНР воспринимается американской политической элитой в основном как растущая угроза, чреватая серьёзными негативными последствиями для интересов и позиции США (Запада) в глобальном балансе сил. Уже сейчас Китай *перехватывает у США роль мирового лидера по ряду проблем глобального развития – от мировой торговли до борьбы с потеплением климата*. Европейские союзники рассматривают восхождение Китая скорее не как вызов или военную угрозу своей безопасности, а как перспективу для реализации новых экономических возможностей в отношениях с мировой державой, хотя и отдают себе отчёт в усиливающейся конкуренции и конфликте интересов с Пекином в борьбе за рынки третьих стран. Между Европой и КНР нет объективных предпосылок для прямой военно-политической конфронтации, и они не склонны рассматривать отношения друг с другом в категориях силового соперничества.

Подъём Китая, несомненно, является серьёзным и многоплановым вызовом для Запада, а значит, эта проблема неизбежно присутствует в калькуляциях натовских стратегов. Однако на официальном уровне в альянсе она замалчивается, что позволяет предположить существование там негласного табу на публичное обсуждение данной темы. США и европейские союзники избегают дискуссий на тему взаимоотношений с Китаем. Географическая удалённость АТР от Евро-Атлантического региона не играет здесь решающей роли, ведь Афганистан,

Ирак, Ливия, где альянс недавно осуществлял военные операции, тоже лежат за пределами зоны действия Договора о НАТО. Главная причина – это существенные расхождения во взглядах между США и Европой, отсутствие консенсуса между союзниками по китайскому вопросу. Западные аналитики допускают возможность того, что «подъём Китая может вызвать раскол в трансатлантическом альянсе» [Bechná Z., Thayer B., 2016: 66]. У альянса нет общей согласованной позиции ни по «тайваньской проблеме», ни по территориальным спорам с китайским участием вокруг архипелага Сенкаку в Восточно-Китайском море и ряда островов и рифов в Южно-Китайском море. Союзники предпочитают уходить от обсуждения неудобных вопросов, хотя практически нет ни одной серьёзной проблемы безопасности в АТР, которая не затрагивала бы КНР.

Хотя АТР не фигурирует в приоритетах НАТО, этот регион не был обделён её вниманием. Решения о формировании партнёрства с государствами Западно-Тихоокеанского бассейна были приняты на саммитах альянса в Риге (2006 г.) и Бухаресте (2008 г.). Сотрудничество НАТО с государствами АТР охватывает такие направления, как военное обучение, обмен информацией, кибербезопасность и борьба с морским пиратством; ранее оно распространялось и на взаимодействие в рамках операции международной коалиции в Афганистане, руководимой США. Хотя это сотрудничество не привело к созданию совместного механизма взаимодействия НАТО – АТР, в контексте политики «глобального партнёрства» альянс несколько лет назад подписал соглашения о сотрудничестве в военной области с ведущими региональными державами – Австралией, Японией и Южной Кореей.

НАТО не занималась разработкой стратегии в отношении АТР. В вопросах безопасности этого региона США привыкли полагаться на помощь союзников и партнёров, которые обладают *там* большей военной силой, чем европейские государства, – на Японию, Южную Корею, Австралию. Свою роль играет также нежелание европейских союзников быть втянутыми в возможный конфликт США и Китая. По мнению Б. Скаукрофта, Вашингтону следовало бы побудить союзников по НАТО к укреплению диалога и налаживанию взаимодействия с государствами АТР: «Поступая подобным образом, Соединённые Штаты будут поддерживать вовлечённость своих атлантических союзников в стратегические вопросы Азиатско-Тихоокеанского региона и укреплять многосторонние подходы к сложным проблемам, которые там называют» [8].

Учитывая масштабы военной модернизации Китая, американские официальные лица, как пишет бельгийский политолог Л. Симон, «довольно скептически настроены в отношении возможного вклада европейских союзников в сценарии военных конфликтов высокой интенсивности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [Simón L., 2015: 984]. Из европейских союзников только Великобритания и Франция обладают потенциалами проецирования силы (хотя и сравнительно скромными) и политико-дипломатическими ресурсами в АТР. Они располагают довольно ограниченными возможностями военного присутствия в ре-

гионе – небольшим корабельным составом, несколькими военно-морскими базами и средствами разведки на Тихом океане. Лондон и Париж поддерживают двусторонний диалог с Токио по вопросам безопасности в формате «2+2»*. Они проявляют интерес к вопросам региональной безопасности в АТР. Выступая на ежегодном форуме по безопасности «Шангри-Ла диалог» в 2016 г., тогдашний министр обороны Франции Ж.-И. Ле Дриан предложил, чтобы в Южно-Китайском море и других морских акваториях Азии осуществлялось зримое патрулирование военных кораблей европейских держав на регулярной основе.

Многие американские союзники – Великобритания, Франция, Германия, Италия, Дания, Нидерланды и Норвегия – участвуют в военно-морских учениях на Тихом океане (*RIMPAC*). Опыт, полученный в ходе прошедших осенью прошлого года учений НАТО в Балтийском море и Северной Атлантике по защите морских коммуникаций, ведению противолодочной и противовоздушной обороны (они были частью крупномасштабных манёвров *Trident Juncture 2018*), может быть перенесён и на действия западных держав по силовому сдерживанию Китая в прибрежных морях Тихого океана.

Демонстративные проходы военных кораблей США вблизи спорных островов и рифов, на которые претендует КНР, как и рейды в международных водах Южно-Китайского моря кораблей Франции, Великобритании и Нидерландов в защиту свободы мореплавания в этом районе Мирового океана осуществляются пока в индивидуальном порядке и без увязки с НАТО. По мнению политологов Т. Хаксли и Б. Шриера, США могли бы призвать не только Австралию и Японию, но и своих европейских союзников, особенно Великобританию и Францию к проведению морских операций в поддержку принципа свободы мореплавания в пределах 12-мильной зоны вокруг искусственно создаваемых Китаем островов в Южно-Китайском море [Huxley T., Schreer B., 2017: 86]. В то же время они полагают, что открытое сдерживание Китая было бы контрпродуктивным и предпочтительнее осуществлять взаимодействие и диалог с Пекином по всем проблемам, где можно найти точки соприкосновения.

Североатлантический альянс избегает направлять военно-морскую миссию в АТР. Предложения Франции о направлении подобной миссии под флагом ЕС или включении кораблей европейских стран в состав её оперативной корабельной группы на тихоокеанском направлении не получили поддержки партнёров. Европейские союзники избегают вмешиваться в территориальные споры по поводу принадлежности островов в прибрежных морях, омывающих Китай. Лишь британские и французские военные корабли периодически появляются в этих районах в подтверждение готовности вместе с США отстаивать принцип свободы мореплавания и защищать морские коммуникации. Некоторые западные эксперты предлагают совершать проходы военных кораблей европейских союз-

* В декабре 2018 г. Европарламент одобрил подписанное ещё в июле в обход США беспрецедентное Соглашение между Японией и ЕС об экономическом партнёрстве (EPA).

ников на регулярной основе через спорные участки в этом районе Мирового океана и проводить совместные военно-морские учения с региональными партнёрами в АТР. Реализация подобных предложений, несомненно, встретила бы одобрение со стороны администрации Д. Трампа. Однако на высшем политическом уровне в ЕС эти идеи не находят поддержки – видимо потому, что Европа дорожит своими отношениями с Китаем и не желает провоцировать конфронтацию с ним.

США беспокоит возможная уязвимость европейских союзников перед растущим экономическим могуществом Китая. Программа «Один пояс, один путь», провозглашённая Си Цзиньпином в 2013 г., по мнению американских экспертов, может служить инструментом втягивания экономически слабых стран НАТО в орбиту китайского влияния. Соглашения о намерении участвовать в упомянутой инициативе с Китаем подписали Италия, Греция, Чехия и Венгрия, а некоторые другие члены альянса рассматривают возможность присоединения к ней на более позднем этапе. По оценкам американских экспертов, восемь стран, в том числе Черногория (страна НАТО, имеющая выход к Адриатическому морю), получившие китайские займы, могут оказаться в долговой кабале у Китая, так как условия их предоставления носят нетранспарентный характер. Некоторые западные наблюдатели назвали программу «Один пояс, один путь» китайской тактикой «долговой западни» в отношении экономически слабых партнёров КНР.

С помощью финансово-экономических рычагов влияния на отдельные страны Китай, как считают США, способен блокировать принятие в Европе решений, которые затрагивают его интересы. Из-за позиции некоторых своих членов Евросоюз не смог принять заявление в поддержку решения Международного морского трибунала ООН 2016 г., отвергнувшего претензии Китая на грядущие рифы в Южно-Китайском море, а в 2017 г. – заявление по ситуации с правами уйгурских мусульман. Что мешает Китаю действовать аналогичным образом в НАТО, куда входят те же самые европейские страны – Италия, Венгрия, Греция, Чехия, Черногория, которые являются реципиентами его кредитов и инвестиций?

Как замечает американский политолог А. Фридберг, «масштабы дипломатического соперничества между США и Китаем больше не ограничиваются Азией. Пекин сейчас пытается использовать своё растущее экономическое влияние (и всё большую неопределённость курса американской политики) для разжигания разногласий в Европе, а также между США и Европой. Со своей стороны, Соединённые Штаты должны прилагать больше усилий с целью мобилизации поддержки своих европейских союзников для достижения общих целей в Азии». По мнению Фридберга, сейчас это сделать легче, чем несколько лет назад, так как «многие европейские правительства в настоящее время разделяют американскую обеспокоенность по поводу направленности китайской политики во многих областях» [Friedberg Aaron L., 2018: 32].

Между европейскими союзниками сохраняются разногласия, следует ли солидаризироваться с политикой Вашингтона в отношении Китая и проблем безопасности АТР, и если да, то в какой мере. Великобритания делает однозначную ставку на укрепление сотрудничества с США и их партнёрами в регионе. Она готова поддержать Вашингтон в военно-политическом противостоянии с Пекином. Германия и Франция занимают более гибкую позицию, воздерживаясь от обязательств и отдавая явное предпочтение расширению торгово-экономических связей с Китаем, чей рынок имеет большое значение для их экономик.

Особенно уязвимыми в отношении геоэкономических инструментов влияния Китая, по мнению некоторых западных экспертов, являются отягощенные финансовыми проблемами такие западноевропейские государства, как Греция, Испания, Италия и страны Восточной Европы, которые не видят для себя внешней угрозы в лице КНР и для которых натовские обязательства по безопасности не представляются актуальными в «китайском контексте». Восточноевропейские страны выступают против втягивания Североатлантического блока в противостояние с Китаем и установления союзнических отношений с государствами АТР, опасаясь, что эти действия поставят под вопрос традиционную трактовку Ст. 5 Договора НАТО относительно коллективной обороны альянса и отвлекут ресурсы от обеспечения защиты применительно к угрозам в Европе.

Европейские союзники приветствовали начавшуюся деэскалацию напряжённости между США и КНДР, как и явный прогресс, наметившийся в урегулировании отношений между двумя Кореями. У них, в отличие от Соединённых Штатов, нет военно-политических интересов в АТР. Позитивные изменения ситуации в Восточной Азии, склонность президента Д. Трампа рассматривать отношения с союзниками в транзакционном ключе, где на первое место часто выходят финансовые претензии, и непредсказуемость его решений, всё это не способствует консолидации европейских стран под знамёна американской политики на китайском направлении, но предоставляет Пекину возможности для предотвращения формирования в НАТО антикитайского консенсуса и использования альянса в американской стратегии геополитического окружения КНР.

СОЮЗНИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ФАКТОР ИЛИ ДЕВАЛЬВИРУЮЩИЙ АКТИВ?

Договор НАТО 1949 г. не даёт США правовых оснований ожидать военной поддержки от европейских союзников в возможном военном конфликте с Китаем на Тихом океане или в других районах мира, кроме тех, которые прямо обозначены в договоре – в Европе, Средиземноморье и Северной Атлантике [9]. Однако Вашингтон исходит из того, что по крайней мере в *несиловых* аспектах урегулирования кризисов в АТР европейцы должны выступать на его стороне. Как заявил на одной из конференций в 2014 г. помощник госсекретаря по делам Во-

сточной Азии и Тихоокеанского региона Д. Рассел, поскольку США проявляют солидарность с Европой по ситуации на Украине, то и Европа должна солидаризироваться с американской позицией по ключевым проблемам безопасности в Азии.

В случае военных конфликтов в АТР с американским участием европейские союзники едва ли смогут остаться в стороне, поскольку они связаны с США обязательствами по коллективной обороне, даже если зона действия Договора НАТО не распространяется на этот регион. Их бездеятельность имела бы далекоидущие последствия, давая новые основания Д. Трампу и сторонникам его политики говорить о растущей девальвации ценности трансатлантической солидарности для США. Как бы то ни было, ситуация здесь выглядит неоднозначной. В августе 2017 г. канцлер ФРГ А. Меркель в интервью издателю газеты «*Handelsblatt*» Г. Штайнгарту заявила, что Германия не будет автоматически на стороне США в случае их военного конфликта с Северной Кореей, так как не все дипломатические возможности урегулирования кризиса исчерпаны [10]. Подобное заявление отражает недоверие к политике нынешней администрации США, но оно вряд ли может найти понимание в Вашингтоне, даже если формально ФРГ не нарушает своих союзнических обязательств по Договору НАТО.

Германская трактовка союзнических обязательств перед США применительно к северокорейской ситуации не в последнюю очередь связана с удалённостью этого региона от коренных европейских интересов безопасности. Она может рассматриваться как подтверждение приверженности ФРГ традиционной интерпретации ст. 5 Договора НАТО, но «узость» такого подхода едва ли может устроить США. С появлением новых глобальных вызовов и угроз, которые часто носят асимметричный и сетевой характер (международный терроризм, кибероружие и т.д.), происходит размывание границ понятия «коллективная оборона» и соответственно – рамок ст. 5. Она стала трактоваться в альянсе более гибко и расширительно, а поднятая Западом на щит в последнее время (во многом в спекулятивных политических целях) тема «гибридных угроз со стороны России» придала этим дискуссиям новый импульс.

Вашингтон причисляет северокорейскую ракетно-ядерную программу к категории наиболее опасных угроз для национальной безопасности США, и отсутствие поддержки со стороны Германии (или любого другого союзника) в случае военного конфликта в регионе явилось бы весьма чувствительным ударом по двусторонним отношениям. К тому же, осторожный германский подход расходится с тенденцией к расширению географии военной активности НАТО после окончания холодной войны. В результате внутренних дискуссий, которые тогда развернулись, альянс пришёл к выводу, что для сохранения жизнеспособности он должен расширить границы своих возможных военных операций за пределы традиционной зоны ответственности, установленной Вашингтонским договором 1949 г. Это решение открыло дорогу военным кампаниям НАТО сначала в

Афганистане, затем в Ираке и Ливии, которые находятся на значительном расстоянии от Европы, хотя и ближе, чем Тихоокеанский регион.

Ещё в мае 2010 г. тогдашний генсек НАТО А.-Ф. Расмуссен, представляя подготовленный проект обновленной стратегии НАТО, которая затем была утверждена на саммите альянса в Лиссабоне в конце того же года, прямо заявил: «В современном мире, чтобы защитить наши границы, мы возможно должны выйти за пределы наших границ» [11]. В качестве примера он привёл Афганистан. Рекомендации в поддержку активных действий НАТО за пределами договорной зоны ответственности блока были предложены западными аналитическими центрами, в частности группой экспертов высокого уровня под руководством бывшего госсекретаря США М. Олбрайт. В докладе, который был подготовлен для лидеров стран альянса, говорилось, что «НАТО должна быть достаточно гибкой и эффективной, чтобы действовать далеко от своих границ» [12]. Однако альянс едва ли способен играть какую-либо *самостоятельную* роль в отношении Китая, учитывая, что решения в нём принимаются консенсусом, а многие европейские страны стремятся поддерживать партнёрские отношения с Пекином.

Хотя европейские державы не разделяют американский подход к Китаю и к оценке ситуации в АТР, формулируемой исключительно в категориях баланса сил, США постараются влиять на их поведение, апеллируя к тезису о неразделимости безопасности и обязательств в рамках НАТО. Трудные вопросы возникнут перед европейскими союзниками в случае конфликта между США и Китаем. Например, что будет делать Греция, если Вашингтон в кризисной ситуации потребует от неё прекращения работы китайской компании «КОСКО» (COSCO), которая управляет крупнейшим греческим портом Пирей, вложив в него крупные инвестиции в разгар долгового кризиса в этой стране?

Вместе с тем, не следует абсолютизировать роль союзников в американской стратегии национальной безопасности. С одной стороны, США в силу тех или иных причин могут оказывать военную поддержку государству, которое не связано с ними союзническими обязательствами. С другой стороны, как полагают американские политологи Х. Брендс и П. Фивер, США вели бы военные действия по защите своих интересов в ключевых геополитических регионах мира – в Европе, Восточной Азии и на Ближнем Востоке, даже если не имели бы официальных союзнических отношений с местными странами, так как не могут позволить какой-либо враждебной державе установить в этих районах своё доминирование [Brands H., Feaver P., 2017: 17-18]. Практическое сотрудничество НАТО с рядом государств, не состоящих в военном союзе с США, по своему реальному содержанию может быть сравнимо с союзническими отношениями или приближаться к этому уровню. Так, Швеция и Финляндия – страны с формально нейтральным статусом – в результате интенсивного взаимодействия с альянсом в оборонной сфере уже мало чем отличаются от союзников по НАТО с военной точки зрения. Они активнее и масштабнее сотрудничают с США и НАТО, в том числе в рамках различных миссий альянса, чем некоторые государства,

претендующие на членство в нём или уже имеющие официальный статус союзника [подробнее см.: Приходько О.В., 2013].

Казалось бы, Азиатско-Тихоокеанский регион расположен далеко от Европы. Почему европейских союзников должна волновать ситуация за тысячи километров от их границ? Во-первых, как отмечалось выше, после окончания холодной войны НАТО перестала ограничивать зону своих операций евроатлантическим регионом и её военные кампании в XXI веке являются наглядным тому подтверждением. Во-вторых, глобализация, трансрегиональные интеграционные экономические и инфраструктурные проекты, появление новых коммуникационных технологий (включая перспективу глобального «спутникового интернета»), распространение политико-идеологических и информационных сетевых структур сделали понятие «удалённость региона» весьма относительным – эти явления и процессы всё больше сближают регионы друг с другом, беспрецедентно увеличивая их взаимозависимость, что, конечно, не отменяет сохранения специфики каждого из них. Межрегиональному сближению могут способствовать не только объективные тенденции, но и стратегии, реализуемые государствами, классическим примером чего является Китай, который осуществляет континентальную экспансию в западном направлении через Центральную и Южную Азию на Ближний Восток и далее через Кавказ на Юго-Восточную Европу. Проект «Один пояс, один путь» по созданию логистических и транспортных коммуникаций из Китая в Европу предусматривает формирование трансевразийской инфраструктуры, которая должна позволить КНР получить выходы на внешние рынки в дополнение к традиционным маршрутам. В случае военного конфликта с США в Восточной Азии они станут для неё стратегическим альтернативным каналом получения необходимого сырья и ведения внешней торговли.

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА КИТАЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Начиная с «эпохи Никсона – Киссинджера» (1969–1974 гг.) американская стратегия предусматривала, с одной стороны, встраивание Китая в существующий миропорядок и налаживание взаимодействия с ним по различным направлениям, а с другой, – поддержание в АТР баланса сил в пользу США с помощью развёртывания в регионе достаточных сил передового базирования, укрепления потенциала союзников и формирования тесного партнёрства со странами ЮВА. Многие американские политики и эксперты сходятся в том, что эта стратегия не достигла поставленных целей. КНР не стала эволюционировать в направлении западного либерализма, хотя и интегрировалась в мировую экономику, а ведь на это, собственно, и делался расчёт. Пекин не признаёт американских претензий на гегемонию в регионе и в мире.

Американский политолог А. Фридберг полагает, что в противостоянии между США и Китаем, помимо расхождения интересов, важную роль играют анта-

гонизм идеологий (либерализма и авторитаризма) и ценностей двух государств, их конкурирующие между собой образы будущего и несовместимые представления о желательном миропорядке, – «в результате соперничество между ними является более интенсивным, ставки выше, а вероятность длительной разрядки напряжённости меньше, чем это могло бы быть в противном случае» [Friedberg Aaron L., 2018: 9]. По его мнению, необходимо рассматривать китайский вызов во всех его измерениях, а не только в геополитических категориях, в контексте соотношения военных сил и экономической статистики. Он подчёркивает, что Китай придаёт важное значение такой сфере соперничества, как *идейная борьба*, стремясь повлиять на общественные настроения в странах Запада, в то время как США недооценивают её роль в американо-китайском противоборстве.

Учитывая заметное усиление военного потенциала Китая, его экономических и геополитических позиций, Запад вынужден переосмысливать свои отношения с восходящей державой. Продолжающийся подъём КНР, которая в прошлом году отметила 40-летие с начала проведения фундаментальных реформ в стране, объективно ведёт к ослаблению способности США и Европы навязывать свои правила игры в международных делах. Сторонники мобилизации ресурсов Запада в противовес укреплению Китая исходят из того, что китайский вызов носит долгосрочный стратегический характер. Однако у НАТО и ЕС нет чёткого понимания, как изменение азиатско-тихоокеанского баланса сил в результате укрепления Китая может сказаться на интересах трансатлантического сообщества, и как следствие, нет согласованной общей позиции в отношении предлагаемой американцами стратегии сдерживания этой державы. Европейские страны избегают шагов, которые указывали бы на их согласие следовать в фарватере американской политики на азиатском направлении. Они явно не желают участвовать на стороне Вашингтона в военно-политической конфронтации с Пекином.

Китайский фактор в широком смысле – в плане воздействия этой страны на трансформацию мирового порядка – в ближайшем будущем станет играть ведущую роль в диалоге США и Европы. Уже сейчас он рассматривается Западом не только с точки зрения возрастающего влияния КНР в мировой экономике и финансах, но и применительно к широкому спектру вопросов международной безопасности – от ситуации на Корейском полуострове и региональной стабильности в АТР до миротворческих операций ООН в Африке, кибербезопасности и многосторонних усилий в борьбе с потеплением климата.

Администрация Д. Трампа полагает, что Запад должен быть готов к стратегическому соперничеству с Китаем по всем направлениям (азимутам) и с использованием всех имеющихся рычагов силы и влияния, включая дипломатию, экономику, информационные ресурсы и демонстрацию военной силы (дозированное применение силового потенциала). Она возможно и хотела бы сформировать «глобальную коалицию демократических держав» для сдерживания Китая, однако своим эгоистическим подходом, односторонностью своих решений и

действий отталкивает многих союзников и партнёров от этого замысла. Многие американские политики и эксперты критикуют Д. Трампа за его неприятие самой идеи многосторонних торговых пактов с Европой и АТР. По их мнению, такие соглашения позволили бы американским союзникам в меньшей мере зависеть от доступа к китайскому рынку. Отторжение Д. Трампом либерально-глобалистской модели экономического миропорядка подталкивает ЕС к тому, чтобы по-новому взглянуть на возможности сотрудничества с Китаем в рамках «Большой Евразии», включая идею налаживания связей с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС).

В трансатлантическом экспертном сообществе всё больше сторонников завоёвывает точка зрения, согласно которой то, как Запад будет реагировать на восхождение Китая, во многом определит направленность и характер формирующегося нового миропорядка. По мнению западных политологов, в условиях возрастающей подвижности стратегической ситуации, координация политики США и Европы (ЕС) в отношении Китая необходима для обеспечения большей стабильности и предсказуемости эволюции отношений Запада с новой мировой державой, для предотвращения военной конфронтации, к которой может привести глобальное перераспределение сил и влияния. Однако *асимметричность китайского вызова для союзников по НАТО*, которая выражается, в частности, в различном восприятии растущей силы КНР в политических кругах США и Европы и которая вызывает расхождение их геополитических приоритетов, препятствует трансатлантическому сотрудничеству на китайском направлении.

Несовпадение интересов США и Европы предоставляет Китаю пространство для манёвра в его усилиях по предотвращению совместных действий натовских стран в случае американо-китайского конфликта. Как полагают некоторые западные эксперты, КНР может попытаться ослабить позиции США, противопоставляя им как можно больше европейских союзников. Чтобы предотвратить раскол между союзниками, США предлагают альянсу сформировать консолидированную позицию по Китаю на основе трансатлантической общности норм и ценностей [Bechná Z., Thayer B., 2016: 70–71], однако не объясняют, почему апеллирование к западным демократическим стандартам сможет возобладать над стратегическими, военными, торгово-экономическими и геополитическими интересами государств. Уже сейчас несколько стран альянса подвергаются критике своими партнёрами за отход от либеральных ценностей. В этом ряду чаще других называют Польшу, Венгрию и Турцию, а многие западные либералы добавляют к этому списку и администрацию Д. Трампа.

В американской политической элите сложился консенсус относительно того, что в ответ на китайский вызов необходимо предпринимать шаги к предотвращению дальнейшей эрозии позиций США в системе международных отношений. По нашему мнению, теперь не трансатлантические, а американо-китайские отношения являются для США определяющими в их подходе к международным делам, их ключевым внешнеполитическим приоритетом. Соединённые Штаты могут воздей-

ствовать на союзников с помощью своего экстерриториально применяемого санкционного законодательства, принуждая их следовать в фарватере своей политики. Одобрённый в августе 2018 г. закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA) создаёт основу для мер политического, финансового и внеэкономического воздействия на третьи страны, которые не будут соблюдать американские ограничения в отношении Китая. Европейские союзники ещё не отдают себе полного отчета в последствиях происходящих перемен. Они только начинают приходить к пониманию новой геополитической реальности и ещё не знают, как к ней адаптироваться, продолжая руководствоваться постулатами, унаследованными из другой эпохи.

Растущее бремя реагирования на возникающие угрозы и вызовы для США подталкивает Д. Трампа к тому, чтобы требовать от европейских союзников более активного сотрудничества по ситуациям в АТР и других регионах, затрагивающих интересы Запада. Однако специфический подход нынешней американской администрации к международным делам, его несовместимость с принципами европейского неолиберализма, которая привела к острым противоречиям между США и Европой, значительно сужают возможности для согласования коллективного ответа на «китайский вызов». Более того, по ряду ключевых проблем мирового развития между Европой и Китаем гораздо больше точек соприкосновения, чем у США и их союзников по Североатлантическому альянсу. Взгляды ЕС и КНР близки или совпадают по таким вопросам, как сохранение открытости рынков и мировой торговли, регулирующая роль международных институтов (ООН, ВТО и т.д.), борьба с потеплением климата, сохранение Соглашения 2015 г. по ограничению иранской ядерной программы. ЕС выражает готовность к сотрудничеству с Китаем в реформировании ВТО, чтобы обеспечить единые правила игры для всех участников мировой торговли, опасаясь, что США начнут выстраивать альтернативную торговую систему в обход этой международной организации.

Учитывая склонность администрации Д. Трампа к эгоистическому стилю поведения в международных делах, ряд европейских лидеров и политологов считают необходимым наладить систематическое взаимодействие ЕС со странами АТР по вопросам внешней политики и безопасности, чтобы не отдавать решение важнейших региональных проблем на откуп США. Они опасаются, что своими действиями Вашингтон может спровоцировать кризисы в регионе, поставив под угрозу европейские интересы. Европу не может не настораживать рост влияния в американском политико-академическом сообществе тех, кто выступает за ужесточение мер реагирования на «китайский вызов». Среди рекомендаций американских экспертов по мерам противодействия военному потенциалу Китая в АТР обращает на себя внимание предложение о развёртывании там ядерных сил США передового базирования, что обозначило бы возможность проведения американскими войсками, в случае необходимости, «ограниченных операций с применением ядерного оружия» [Friedberg Aaron L., 2018: 37]. По-

добный сценарий действий едва ли может рассчитывать на поддержку европейских союзников.

Вашингтон продолжит выстраивать в противовес Китаю союзнические и партнёрские отношения со странами Индо-Тихоокеанского мегарегиона. Как упоминалось выше, он делает здесь ставку на формирование тесных связей в рамках «четвёрки» США – Япония – Индия – Австралия. Пекин со своей стороны пытается предотвратить появление американоцентричных коалиций, используя широкий диапазон средств влияния на государства региона. США хотели бы, чтобы и ведущие европейские державы подключились к борьбе за лояльность стран Юго-Восточной Азии. Они используют свои торгово-экономические и иные рычаги для ослабления китайского влияния в регионе и развенчания его «вредоносных» идей (таких как защита государственного суверенитета в интернет-пространстве), которые могут оказаться привлекательными для местных режимов.

Администрация Д. Трампа расширяет сотрудничество с союзниками в Европе и АТР по ведению контрразведывательной деятельности против Китая в киберпространстве. На саммите НАТО в Брюсселе, который состоялся в июле 2018 г., по предложению США было принято решение о развертывании при штаб-квартире Объединённых вооружённых сил альянса в Европе «центра по обороне в киберпространстве». Можно предположить, что деятельность этой структуры будет иметь глобальный охват и Китай будет одним из главных объектов её внимания. Ведущую роль в работе упомянутого центра будут играть американцы, а новая американская стратегия в киберпространстве допускает применение агрессивных мер против враждебных сил, включая воспрепятствование их сетевой активности.

В силу возрастающего влияния Китая в сфере региональной и международной безопасности НАТО не может обходить своим вниманием эту страну. Однако усиление военно-политической напряжённости в Европе в последние годы уменьшает предрасположенность альянса к тому, чтобы углубляться в проблемы региональной безопасности Восточной Азии, тем более что и раньше европейские державы всячески избегали вовлечённости в американо-китайское противостояние в регионе. Вместе с тем, учитывая большое влияние, которое Китай и НАТО имеют в сфере международной безопасности, они едва ли смогут избежать двустороннего взаимодействия по вопросам, где их интересы пересекаются (борьба с международным терроризмом на территории третьих стран, морское пиратство у побережья Африки).

Хотя ключевые приоритеты безопасности в трансатлантических отношениях охватывают Европу, растущая глобальная и региональная роль КНР неизбежно будет всё больше вторгаться в повестку дня переговоров США и европейских союзников. НАТО не может закрывать глаза на растущее военное сотрудничество России и Китая, особенно, когда оно затрагивает Европу: в 2017 г. впервые прошли совместные военно-морские манёвры двух стран в Балтийском море. В

2018 г. министры обороны двух стран С. Шойгу и Вэй Фэнхэ договорились о проведении совместных военных учений на регулярной основе. Россия и Китай объективно нуждаются во взаимной поддержке. В нынешней ситуации и на обозримую перспективу они являются друг для друга стратегическим тылом. Географическое соседство двух стран и реалии современной мировой политики создают достаточно широкое поле для общих и совпадающих интересов, несмотря на огромный экономический дисбаланс между ними. Сопротивление американской гегемонии – лишь один из стимулов, но достаточно сильный сам по себе, для согласования политики и координации усилий РФ и КНР по важнейшим вопросам международных отношений.

Президент Д. Трамп не оставляет идеи оторвать Россию от Китая, периодически возвращаясь к тезису о желательности улучшения двусторонних отношений с Москвой. В действительности Конгресс, а вовсе не администрация является главным инициатором политического и санкционного давления на РФ. В отношении КНР ситуация иная: именно Белый дом в последнее время играет роль первой скрипки в разработке планов и предложений по ужесточению политики и принятию законодательства антикитайской направленности. Возможно, что тема китайского вмешательства в американские дела будет одной из главных у Д. Трампа на президентских выборах 2020 г. Он пытался её обкатать уже в ходе кампании по промежуточным выборам осенью прошлого года. Однако какие бы противоречия ни раздирали американскую политическую элиту в нынешней ситуации её фактического раскола на два противостоящих лагеря, цель стратегии США в международных делах остаётся неизменной с окончания холодной войны – предотвращение прямого физического или косвенного экономического и геополитического доминирования в Евразии какой-либо враждебной державы или коалиции государств.

Согласование стратегии США и Европы в отношении Китая, по мнению зарубежных аналитиков, является важным неиспользованным ресурсом влияния Запада на процесс трансформации миропорядка. Однако предпосылки для подобной координации уменьшились в связи с изменением американской политики в президентство Д. Трампа, которое вызвало серьёзные разногласия с союзниками. Даже в лучшие годы трансатлантических отношений периода президентства Б. Обамы «разворот» США на АТР, впоследствии официально переименованный в «перебалансировку», был исключительно американской реакцией на укрепление Китая. В нынешних условиях, учитывая особенности внешнеполитической философии президента Д. Трампа, предъявляющего большие претензии к Европе, ещё менее вероятно ожидать, что американская политика на азиатском направлении может приобрести какое-либо значимое трансатлантическое измерение.

ИСТОЧНИКИ

[1] Naomi Lim. Chuck Schumer: I'm closer to Trump than Obama on trade with China. *Washington Examiner*. April 22, 2018. Available at: <https://www.washingtonexaminer.com/news/chuck-schumer-im-closer-to-trump-than-obama-on-trade-with-china> (accessed 31.12.2018).

[2] Jessica Donati, Daniel Michaels. U.S. to Suspend Nuclear Treaty with Russia in 60 Days. *Wall Street Journal* (online). December 4, 2018. Available at: <https://www.wsj.com/articles/u-s-to-suspend-nuclear-treaty-with-russia-within-60-days-1543944884> (accessed 05.12.2018).

[3] Statement of Admiral Harry B. Harris Jr., U.S. Navy Commander, U.S. Pacific Command before the Senate Armed Services Committee on U.S. Pacific Command Posture. March 15, 2018. Available at: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Harris_03-15-18.pdf (accessed 02.01.2019).

[4] Smith Statement on Trump INF Treaty Decision. December 4, 2018. Available at: <https://adamsmith.house.gov/2018/12/smith-statement-on-trump-inf-treaty-decision> (accessed 07.01.2019).

[5] Remarks by Vice President Pence at the 2018 APEC CEO Summit. Port Moresby, Papua New Guinea. November 16, 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-2018-apec-ceo-summit-port-moresby-papua-new-guinea/> (accessed 01.01.2019).

[6] Stephanie Segal. Multilateral Economic Institutions and U.S. Foreign Policy. Statement before the Senate Foreign Relations Committee. Subcommittee on Multilateral International Development, Multilateral Institutions, and International Economic, Energy, and Environmental Policy. November 27, 2018. Available at: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/112718_Segal_Testimony.pdf (accessed 02.12.2018).

[7] A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy: "Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe." Available at: https://eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed 25.11.2018).

[8] B. Scowcroft. The Atlantic Alliance Transformed. Available at: https://www.acus.org/new_atlanticist/atlantic-alliance-transformed (accessed 22.06.2017).

[9] NATO Manual. Office of Information and Press. Brussel, 2001, 671 p.

[10] Merkel, Uncut. Handelsblatt Interview. Available at: <https://global.handelsblatt.com/politics/merkel-uncut-817724> (accessed 24.10.2017)

[11] S. Erlanger. NATO Urged to Look Beyond Borders. Available at: <https://www.nytimes.com/2010/05/18/world/europe/18nato.html> (accessed 11.08.2018).

[12] NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement. Available at: https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2010_05/20100517_100517_expert_sreport.pdf (accessed 11.08.2018)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Приходько О.В. США и политика партнёрства НАТО. *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*. 2013. № 3. С. 37–52.

REFERENCES

- Bechná Z., Thayer B. NATO's New Role. *Naval War College Review*. Summer 2016. Vol. 69, No. 3. P. 65-81.
- Brands H., Feaver Peter D. 2017. What Are America's Alliances Good For? *Parameters*. Vol. 47. No. 2. P. 15-30.
- Friedberg Aaron L. 2018. Competing with China. *Survival*. Vol. 60. No. 3. P. 7-64.
- Huxley T., Schreer B. 2017. Trump's Missing Asia Strategy *Survival*. Vol. 59. No. 3. P. 81-89.
- Prikhodko O.V. 2013. USA and NATO's Partnership Policy. *USA ❖ Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 3. P. 37-52.
- Simón Luis. 2015. Europe, the rise of Asia and the future of the transatlantic relationship. *International Affairs*. Vol. 91. No. 5. P. 969-989.
- Terada Takashi. 2018. The Competing U.S. and Chinese Models for an East Asian Economic Order. *Asia Policy*. Vol. 13. No. 2. P. 19-25.
- Zuo Yana. 2018. The U.S. Global Strategy and Its Taiwan Policy. *China Review*. Vol. 18. No. 3. P. 149-176.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Приходько Олег Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3

Oleg V. Prikhodko, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Foreign Policy Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khlebny pereulok, Moscow 121069, Russian Federation